Жалсанова Валентина Гурожаповна**Zhalsanova Valentina Gurozhapovna**

кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник Института
монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения РАН

PhD in Social Science, Associate Professor,
Senior Research Fellow, Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1990-Е ГГ. – 2019 Г.) [1]

TRENDS IN SOCIO-POLITICAL PROCESSES IN THE REPUBLIC OF BURYATIA IN THE POST-SOVIET PERIOD (1990S – 2019) [1]

Аннотация:

В статье анализируются социально-политические процессы и государственно-административные преобразования в Республике Бурятия в постсоветский период. Постсоциалистические трансформации структуры российского общества задали основные векторы и определили содержание изменений во всех сферах общественной жизни, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Формирование в республике новых политических институтов и управленческих структур проходило на первом этапе в период 1990-х гг. и отвечало требованиям и веяниям нового времени в русле общероссийских тенденций. Особенности политического процесса в Бурятии и его социальные характеристики были обусловлены статусом национальной республики, спецификой межнациональных отношений, не имевших значительного конфликтного потенциала. Современные социально-политические процессы в республике развиваются под влиянием ухудшающегося социально-экономического положения населения и требуют поиска ответов на новые вызовы.

Ключевые слова:

социально-политические процессы, постсоветский период, социальная трансформация, политические институты, межнациональные отношения, национальная республика, Российская Федерация, Республика Бурятия.

Summary:

The socio-political processes and state-administrative transformations in the Republic of Buryatia in the post-Soviet period are analyzed in the paper. Post-socialist transformations of the Russian society structure set the main vectors and determined the content of changes in all spheres of public life, both at the federal and regional levels. The formation of new political institutes and administrative structures in the republic took place at the first stage in the period of the 1990s and met all the requirements and trends of the new era in line with all-Russian trends. Features of the political process in Buryatia and its social characteristics were determined by the status of the national republic, the specificity of interethnic relations, which did not have significant conflict potential. Modern socio-political processes in the republic are developing under the influence of the worsening socio-economic situation of the population and require the search for answers to new challenges.

Keywords:

socio-political processes, post-Soviet period, social transformation, political institutions, interethnic relations, national republic, Russian Federation, Republic of Buryatia.

В исследовании основной акцент сделан на анализе тенденций социально-политических процессов в Республике Бурятия в постсоветский период. Несмотря на то что с момента установления нового государства – Российской Федерации – прошел значительный отрезок времени, превышающий четверть века, состояние политической сферы в обществе во многом до сих пор определяется событиями 1990-х гг. На наш взгляд, это обусловлено тем, что в современном российском обществе продолжают процессы социальной трансформации, оказывающие влияние на состояние административно-государственной сферы, которая периодически подвергается преобразованиям.

Постсоциалистические трансформации стали важным объектом для социологических и политологических исследований и составили основу для новых теоретических изысканий, способствующих пониманию природы государства и политики. Теории модернизации и транзитологии выступают методологическим основанием для политического анализа и позволили понять сущность переживаемых российским обществом изменений в условиях перехода от авторитарных режимов к демократическим [2]. При этом важной составляющей новой теоретико-методологической парадигмы стали акценты на процессах институционализации нового государственного устройства России и ее властных структур.

Стремление к форсированной трансформации экономических и политических оснований общественного механизма сопровождалось рядом проблем. Как отмечает Е.А. Лукашева, «на первом этапе реформирования общества в России возникли и развивались важнейшие демокра-

тические институты – свободные выборы, многопартийность, свобода слова, митингов, демонстраций. Конституция РФ закрепила права и свободы человека, соответствующие международным стандартам. Однако отсутствие исторического опыта демократии привело к значительному ограничению начавшихся демократических процессов и преобразований» [3, с. 28].

Современность, а именно 2010-е гг., обозначила новый запрос к социологическим и политическим наукам – понимание природы происходящих социально-политических изменений. На первый взгляд, в период с 1990-х по 2000-е гг. Россия пережила этап транзитного перехода и состоялась как новое государственное образование. Но продолжающиеся изменения в сфере государственного управления (изменения статусов руководителей регионов, переходы субъектов Федерации из одних федеральных округов в другие и т. д.), изменившийся геополитический статус страны (охлаждение отношений с ведущими странами западного мира, «поворот на Восток» и т. д.) требуют корреляции методологических подходов к изучению современных социально-политических процессов. Становится необходимым акцент на понимании исторических и социокультурных особенностей российского государства и всего общественного механизма, а также регионов страны.

Одним из видов субъектов Федерации являются национальные республики, имеющие свои особенности государственного развития, обусловленные этническими основаниями государственных и политических институтов. Социально-политические процессы в Республике Бурятия, являющейся национальной по своему статусу, развиваются под влиянием различных экзогенных и эндогенных факторов. Самым значимым по последствиям стал «системный кризис, разрушивший устои советского общества и продемонстрировавший неспособность центральной власти адекватно оценивать создавшееся положение и своевременно решать назревшие проблемы. В этих условиях местные элиты постарались... дистанцироваться от центра и продемонстрировать себя как единственных защитников интересов населения своих регионов» [4]. Процессы децентрализации и государственное переустройство страны в начале 1990-х гг. привели к тому, что территориальные образования, составлявшие РСФСР, стали субъектами Российской Федерации. Политические конфликты в высших эшелонах власти привели ко вполне легальной суверенизации регионов, особенно после известного заявления Б.Н. Ельцина – «Берите суверенитета столько, сколько хотите». Данный политический жест президента России являл собой, по сути, своеобразный подкуп лояльности региональных властей ради возможности укрепиться на вершине государственной власти. В результате запущенный процесс так называемой суверенизации регионов способствовал существенной перестройке всей системы властных органов: ликвидирована система советов, введены выборные должности глав регионов (президенты в республиках, губернаторы в краях и областях), стала формироваться законодательная ветвь власти, произошли легитимация региональных властей и признание законности их властных полномочий [5].

Рыночные отношения, пришедшие на смену социалистическим нормам хозяйствования, потребовали передела собственности. Тем самым они послужили катализатором «борьбы региональных элит Российской Федерации за исключительное право полновластного распоряжения находящимися на территории региона природными ресурсами и социально-экономическим потенциалом» [6, с. 8]. Как отметила Т.И. Заславская, перераспределение накопленного богатства – едва ли не единственная сфера управленческой деятельности, где роль политической власти усилилась. Прямая или косвенная причастность к перераспределению государственной собственности стала в новой России важнейшим фактором, определяющим социальный статус управленческих групп [7].

Анализируя состояние российского общества в 1990-х гг., большинство исследователей отмечали, что население регионов перестало «осознать» Россию как нечто конкретное и существенное. Символы национального единства превратились в символы «центра». В.Б. Пастухов писал, что «русское общество видится чем-то цельным и организованным только в потенции. При любых попытках рассмотреть его внимательнее оно рассыпается на огромное количество фрагментов и предстает перед нами, в частности, как конгломерат регионов. Именно в этом кроются причины явления, которое... условно можно назвать “губернизацией страны”» [8, с. 9].

Благодаря этим факторам региональные элиты смогли приобрести самостоятельность в управлении своими регионами, определении путей их дальнейшего социально-политического, экономического развития, а также контроле за текущими процессами [9]. Тем не менее отметим, что серьезным фактором, ограничивающим возможности властных элит в регионах, явился дотационный характер экономики большинства субъектов Российской Федерации, к которым относилась и Республика Бурятия.

Анализ формирования региональных элит в 1990-х гг. показал, что в большинстве своем они формировались из представителей советской партийно-хозяйственной номенклатуры. О.В. Крыштановская, рассмотрев изменения состава элит новой России, сделала вывод, что

«власть перераспределилась между группами более молодых, прагматичных номенклатурщиков, часть которых стала политиками, часть – бизнесменами» [10, с. 60].

Таким образом, произошла трансформация партийно-советской номенклатуры без кардинальной смены элит, как, например, в странах Восточной Европы. Это было вызвано рядом факторов.

– Старая элита никогда не уступает политическую сцену полностью. Она или «включается в новую в качестве ее части, или – при революционных потрясениях – в виде отдельных фрагментов» [11, с. 262]. Это можно объяснить нехваткой профессиональных управленческих кадров в среде новой элиты. К тому же перемены, происходившие в российском обществе, были некогда инициированы Генеральным секретарем КПСС М.С. Горбачевым и поддержаны частью партийной элиты. Поэтому закономерно, что номенклатура сумела удержать и закрепить элитные позиции.

– Номенклатурой в СССР был монополизирован единственный капитал – власть. А важнейшими источниками, как отмечал В.И. Ильин, стали государственная собственность на землю, недра и средства производства [12]. Переход к новым экономическим отношениям в России происходил так, что институционализация промышленного и финансового капитала оказалась зависимой от собственников капитала властного.

– Удержанию номенклатурой элитных позиций способствовало само население, а точнее, процессы его маргинализации. Будучи отчужденными от власти и собственности практикой Советского государства, население оказалось неспособным к быстрой адаптации в новых социально-экономических реалиях. Люди, лишившись привычных условий жизнедеятельности, испытывали в тот период большое психологическое напряжение и переживали своеобразный кризис самосознания. Поэтому состояние маргинальности и стремительное обнищание граждан привели к неприятию реформ. По мнению И.С. Дискина и Е.М. Авраамовой, «либеральная модель, на которую на первом этапе реформ ориентировался верхний эшелон власти, не пользовалась... поддержкой населения...» [13, с. 26]. Поэтому либералы-демократы оказались вытесненными с политической арены, не получив поддержки у населения. Власть удержали старые и профессиональные кадры, сменившие партийный имидж на имидж прагматика-хозяйственника.

Политический кризис 1993 г., охвативший российское общество, привел после расстрела Белого дома к роспуску Верховного Совета РФ. В национальных республиках, в том числе в Бурятии, активизировались процессы разработки проектов конституций и основ выборного законодательства. Процесс конституционного строительства в Бурятии был сложен и противоречив. «По результатам обсуждения конституционной комиссией в ряд статей проекта Конституции были внесены изменения и дополнения. После этого проект Конституции был представлен на февральскую сессию Верховного совета республики, на которой 22 февраля 1994 г. была принята новая Конституция Республики Бурятия» [14, с. 173].

Конституция обусловила все контуры административно-политических преобразований. Был введен новый пост президента, который совмещал свои полномочия с обязанностями председателя правительства. Представительный орган власти республики изменил свое название с Верховного совета на Народный хурал. Принцип его формирования основывался на мажоритарной системе. 1994 год ознаменовал собой начало новой политической жизни республики: именно в этот год прошли выборы депутатов Народного хурала и президента, которым стал представитель старой партийной элиты Л.В. Потапов, занимавший в свое время пост первого секретаря обкома партии.

Общественно-политическая жизнь в Бурятии в начале XXI в. проходила в русле общероссийских тенденций: укрепление вертикали власти, сокращение объема полномочий региональных лидеров, формирование новой конфигурации политических партий, лидером среди которых стала «Единая Россия». Страна была разделена на 8 федеральных округов, Бурятия вошла в состав Сибирского федерального округа, образованного Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. В результате введения нового принципа формирования нижней палаты Федерального собрания – Государственной Думы – по пропорциональной схеме Бурятия утратила статус одномандатного округа. Была реорганизована схема избрания депутатов верхней палаты российского парламента [15, с. 380].

Одним из основных итогов политической реорганизации 2000–2010 гг. стал отказ от выборов глав регионов и переход к их назначению президентом России. Законом № 1158-III от 3 мая 2005 г. в ст. 71 Конституции Республики Бурятия были внесены соответствующие изменения: Народный хурал рассматривает представленную президентом Российской Федерации кандидатуру президента Республики Бурятия в течение 10 дней со дня внесения представления и выносит решение об утверждении/неутверждении данной кандидатуры. При внесении президентом Российской Федерации повторного представления о кандидатуре президента Республики Бурятия указанная кандидатура рассматривается в течение 10 дней со дня внесения представления. В 2007 г. ушел с поста президента Бурятии Л.В. Потапов, руководивший республикой с 1994 г.

Новым президентом стал В.В. Наговицын, возглавлявший до этого правительство Томской области [16]. В 2012 г. произошел отказ от наименования «президент» и первое лицо стало именоваться «глава Республики Бурятия».

Система управления регионами в виде назначения глав продемонстрировала свою неэффективность. После семилетнего перерыва в 2012 г. в ряде регионов начали возвращаться прямые выборы глав. В.В. Наговицын, дважды утверждавшийся на пост главы Бурятии, в феврале 2017 г. был вынужден досрочно объявить об отставке. Его уход был обусловлен низким уровнем поддержки со стороны населения, ростом критических настроений, а также совпал с периодом, когда в стране началась череда отставок действующих губернаторов. Временно исполняющим обязанности стал А.С. Цыденов, занимавший пост заместителя министра транспорта Российской Федерации. В 2018 г. в результате победы на выборах он стал главой Республики Бурятия. Персонализация власти, являющаяся приметой российской политической культуры, всегда оказывала влияние на течение социально-политических процессов, обозначала векторы отношения народа к руководящим лицам и управленческим структурам. Отсутствие политического опыта у нового главы и амплуа технократа стали поводом как для критики, так и для положительных оценок со стороны экспертов и населения в целом.

Деятельность А.С. Цыденова совпала с еще одним административно-территориальным преобразованием, затронувшим Бурятию. В ноябре 2018 г. она была переведена в состав Дальневосточного федерального округа, что потребовало расширения круга политических, экономических, хозяйственных задач, стоящих перед руководством республики.

Современный политический процесс в Республике Бурятия характеризуется особенностями, обусловленными рядом экономических, социокультурных и даже геополитических факторов. Не рассматривая весь комплекс, отдельно отметим, что статус национальной республики увеличивает значимость межнациональных отношений как фактора влияния на политическую сферу общества. Мониторинговые исследования 2016–2017 гг., проведенные по заказу Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия группой социологов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, показали, что потенциал межнационального согласия в регионе не исчерпан [17]. Анкетный опрос городского населения более выпукло продемонстрировал, какие факторы оказывают влияние на сферу взаимодействий между разными народами, проживающими в регионе. «Несмотря на то что Республика Бурятия относится к полиэтничным регионам, основным фоном, определяющим межнациональные отношения на территории данного субъекта РФ, становятся взаимодействия между двумя наиболее многочисленными народами – русскими и бурятами, имеющими долгий исторический опыт совместного проживания. Кроме того, активная миграция сельских жителей в столицу республики изменила этнический состав городского населения в сторону увеличения бурятского населения и активизации, соответственно, межэтнических контактов на новом уровне. Следующий фактор, способствующий позитивным межнациональным отношениям, – отсутствие значительной разницы в социально-экономическом положении русского и бурятского народов» [18, с. 27].

Тем не менее в обществе латентно присутствуют угрозы, способные создать ситуацию напряженности в межнациональных отношениях. Одной из таких угроз становится политизация этничности, особенно в периоды избирательных кампаний, что было явно продемонстрировано в ходе выборов главы республики в 2017 г., депутатов Народного хурала в 2018 г. и мэра города Улан-Удэ в 2019 г. Данная политизация способна изменить или стабилизировать сложившиеся в обществе конкретные системы неравенства среди этнических групп [19]. В условиях современной Бурятии она развивается скорее в негативном ключе, дестабилизируя сложившиеся благоприятные межнациональные отношения.

Процессы социальной трансформации российского общества оказали значительное влияние на социально-политическую сферу, определили ход и тенденции развития государственного развития как на федеральном, так и на региональном уровнях. Социальные изменения в постсоветский период оказали огромное влияние на все циклы административно-государственных преобразований в Республике Бурятия.

Развал социалистической системы хозяйствования привел к уничтожению ряда крупных промышленных предприятий и сельскохозяйственных организаций. В итоге Республика Бурятия относится к слаборазвитым регионам, что оказывает негативное влияние на социальное самочувствие населения, его политическую и гражданскую культуру. С одной стороны, для жителей региона всегда было характерно сохранение патерналистской и этатистской направленности политического сознания и поведения. С другой стороны, «закрытость» и «оторванность от народа» элитного сообщества в лице представителей органов государственного управления приводят

к тому, что наблюдаются проявления недовольства, которое впоследствии может выразиться в дестабилизации общественного механизма.

Справедливости ради отметим, что протестный потенциал в регионе не такой высокий, но тем не менее латентно он обозначается и наиболее ярко проявился после окончания выборов мэра Улан-Удэ в сентябре 2019 г., когда на центральной площади был организован стихийный несанкционированный митинг [20]. В связи с этим одной из важнейших задач для органов власти республики должно стать обеспечение положительной динамики социально-политических процессов в Бурятии. Достичь этого можно посредством улучшения социально-экономического положения населения, а также обеспечения диалога между государством и обществом, активизации институтов гражданского общества и преодоления закрытости власти.

Таким образом, основные тенденции социально-политических процессов в Республике Бурятия, являющейся составной частью России, развиваются согласно трендам, характерным для российского государства, и обусловлены следующими факторами.

– Транзитный переход от авторитарной советской системы к демократической в ходе процессов социальной трансформации привел к установлению новых политических институтов.

– Персонализация власти как примета российской политической культуры обозначила периодизацию социально-политических процессов в регионе через деятельность президентов/глав – Л.В. Потапова, В.В. Наговицына и А.С. Цыденова.

– Социально-экономические характеристики региона как слабого и дотационного способствовали росту патерналистских и этатистских настроений у большинства жителей республики, которые, в свою очередь, оказали влияние на их политические модели поведения, характеризующиеся как пассивные. И в то же время за последние годы наблюдаются латентно протекающие протестные настроения, что, скорее всего, обусловлено ухудшающимся социальным самочувствием.

– В национальной республике (этим статусом обладает Республика Бурятия) состояние межэтнических отношений определяет характеристики этнополитических процессов.

Современное российское общество находится в сложной социально-политической ситуации, обусловленной проблемами внутреннего политического и экономического развития и неоднозначностью положения страны на международной арене. С одной стороны, сложившаяся в 2000-е гг. политическая система, характеризующаяся жесткостью вертикали власти, демонстрирует истощение запаса прочности и нуждается в инновационной модернизации для обеспечения устойчивого и динамичного развития. С другой стороны, допущение радикальных преобразований устоев властной системы чревато рисками, способными привести к разрушению сложившегося общественного механизма. Стабильность общественного механизма во многом будет зависеть от векторов развития внутренней политики государства. Поэтому отметим, что федеративное устройство при наличии большого количества субъектов, отличающихся уровнем экономического, социального и политического развития, требует постоянного сбалансированного подхода к реализации региональной политики.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена в рамках государственного задания, проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», номер госрегистрации АААА-А17-117021310269-9.
2. Кузнецов И.И. Парадигма транзитологии (плюсы и минусы объяснительной концепции переходного периода) // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 46–51.
3. Лукашева Е.А. Трансформационные процессы XXI в.: институциональный контекст // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13, № 5. С. 9–39.
4. Жалсанова В.Г. Политическая элита в социальной структуре общества переходного периода: на материалах Республики Бурятия : дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2000. 131 с.
5. Там же.
6. Гаман О. Региональные элиты современной России: штрихи к портрету // Диалог. 1996. № 8. С. 8–11.
7. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–23.
8. Пастухов В.Б. Власть и общество на поле выборов, или Игры с нулевой суммой // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 6–16.
9. Жалсанова В.Г. Указ. соч.
10. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.
11. Основы политической элитологии : учебное пособие / Г.К. Ашин, А.В. Понеделков, В.Г. Игнатов, А.М. Старостин. М., 1999. 304 с.
12. Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества, 1917–1996 гг.: опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар, 1996. 350 с.
13. Дискин И.С., Аврамова Е.М. Адаптация населения и элит (институциональные предпосылки) // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 24–33.
14. Протасов Е.Т. Об истории подготовки Конституции Республики Бурятия и кадровой политике ее органов власти // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 6 (45). С. 171–175.
15. История Бурятии. В 3 т. Т. III: XX–XXI вв. / гл. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ, 2011. 464 с.

16. Там же.
17. Бильтрикова А.В., Бреславский А.С., Жалсанова В.Г. Факторы межнациональных отношений: некоторые результаты экспертного опроса в Республике Бурятия // Социодинамика. 2018. № 9. С. 18–26. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.9.27309>; Жалсанова В.Г., Бреславский А.С., Бильтрикова А.В. Межнациональное согласие и патриотическое воспитание в современной Бурятии (по материалам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2018. № 8. С. 30–38. <https://doi.org/10.24158/tpor.2018.8.5>.
18. Жалсанова В.Г., Бадараев Д.Д., Бреславский А.С. Межнациональные отношения в Республике Бурятия в оценках городского населения (по материалам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2. С. 22–28. <https://doi.org/10.24158/tpor.2019.2.3>.
19. Rothschild J. *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. N. Y., 1981. 290 p.
20. Алексеев А., Аносов А. Хронология протеста в Улан-Удэ [Электронный ресурс] // Информ Полис. 2019. 11 сент. URL: <https://www.infpol.ru/204735-khronologiya-protesta-v-ulan-ude/> (дата обращения: 04.12.2019).

References:

- Alekseev, A & Anosov, A 2019, 'Chronology of the Protest in Ulan-Ude', *Inform Polis*, viewed 04 December 2019, <<https://www.infpol.ru/204735-khronologiya-protesta-v-ulan-ude/>>, (in Russian).
- Ashin, GK, Ponedelkov, AV, Ignatov, VG & Starostin, AM 1999, *Fundamentals of Political Elitology*, Moscow, 304 p., (in Russian).
- Bazarov, BV (ed.) 2011, *The History of Buryatia, vol. III: XX–XXI Centuries*, Ulan-Ude, 446 p., (in Russian).
- Bilrikova, AV, Breslavsky, AS & Zhalsanova, VG 2018, 'Factors of Interethnic Relations: Some Results of an Expert Survey in the Republic of Buryatia', *Sociodynamika*, no. 9, pp. 18–26, <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.9.27309>, (in Russian).
- Diskin, IS & Avraamova, EM 1997, 'Adaptation of the Population and Elites (Institutional Background)', *Obschestvennye nauki i sovremennost*, no. 1, pp. 24–33, (in Russian).
- Gaman, O 1996, 'Regional Elites of Modern Russia: Strokes for a Portrait', *Dialog*, no. 8, pp. 8–11, (in Russian).
- Ilyin, VI 1996, *State and Social Stratification of Soviet and Post-Soviet Societies, 1917–1996: the Experience of Constructivist-Structuralist Analysis*, Syktyvkar, 350 p., (in Russian).
- Kryshtanovskaya, OV 1995, 'Transformation of the Old Nomenclature Into the New Russian Elite', *Obschestvennye nauki i sovremennost*, no. 1, pp. 51–65, (in Russian).
- Kuznetsov, II 2000, 'The Paradigm of Transatology (the Pros and Cons of the Explanatory Concept of the Transition Period)', *Obschestvennye nauki i sovremennost*, no. 5, pp. 46–51, (in Russian).
- Lukasheva, EA 2018, 'Transformation Processes of 21st Century: Institutional Context', *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, vol. 13, no. 5, pp. 9–39, (in Russian).
- Pastukhov, VB 1999, 'Power and Society on the Election Field, or Games With Zero Sum', *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 6–16, (in Russian).
- Protasov, ET 2013, 'The History of the Constitution of the Republic of Buryatia and Its Personnel Policy Authorities', *Vestnik VSGUTU*, no. 6 (45), pp. 171–175, (in Russian).
- Rothschild, J 1981, *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*, New York, 290 p.
- Zaslavskaya, TI 1997, 'The Social Structure of Modern Russian Society', *Obschestvennye nauki i sovremennost*, no. 2, pp. 5–23, (in Russian).
- Zhalsanova, VG 2000, *The Political Elite in the Social Structure of a Transitional Society: Based on the Materials of the Republic of Buryatia*, PhD thesis, Ulan-Ude, 131 p., (in Russian).
- Zhalsanova, VG, Badaraev, DD & Breslavsky, AS 2019, 'Interethnic Relations in the Republic of Buryatia as Assessed by Urban Population (Based on Sociological Study)', *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya*, no. 2, pp. 22–28, <https://doi.org/10.24158/tpor.2019.2.3>, (in Russian).
- Zhalsanova, VG, Breslavsky, AS & Bilrikova, AV 2018, 'Interethnic Harmony and Patriotic Education in Contemporary Buryatia (Based on Sociological Research)', *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya*, no. 8, pp. 30–38, <https://doi.org/10.24158/tpor.2018.8.5>, (in Russian).

Редактор: Тальчук Калерия Сергеевна
Переводчик: Дубина Юлия Юрьевна